

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

Манипулятивная и неманипулятивная грубость в речи персонажей поэмы

Н.В. Гоголя «Мёртвые души» и пьесы М. Горького «На дне»

АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

БАКАЛАВРА

студентки 4 курса 442 группы

направления 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика»

Института филологии и журналистики

Недбайловой Кристины Александровны

Научный руководитель

Доктор филологических наук,

профессор

подпись, дата

В.В. Дементьев

Зав. кафедрой

Доктор филологических наук,

профессор

подпись, дата

О.Ю. Крючкова

Саратов 2026

Темой данной работы является анализ перманентной неманипулятивной грубости, ситуативной манипулятивной грубости и манипулятивной вежливости в речи персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» и пьесы М. Горького «На дне».

Целью выпускной квалификационной работы является анализ указанных типов грубости и вежливости, а также выявление дифференциальных признаков и функциональных доминант каждого типа на материале речевых партий персонажей. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить научно-исследовательскую литературу по проблематике: категории вежливости, невежливости и грубости, речевое воздействие, манипулятивное речевое воздействие.

2. Сделать текстовую выборку не менее 300 ситуаций грубого речевого поведения персонажей.

3. Разработать комплексную модель анализа речевого поведения персонажей, основанную на функциональной классификации инвективной лексики и включающую учёт как грубых, так и подчеркнуто вежливых манипулятивных тактик.

4. Провести систематизацию отобранных ситуаций на основе разработанной модели.

5. Выявить дифференциальные признаки и функциональные доминанты каждого типа грубости, провести количественный анализ распределения выделенных моделей.

Объектом исследования является грубость как функционально обусловленная коммуникативная девиация.

Предметом исследования являются функциональные и лексические особенности перманентной неманипулятивной и ситуативной манипулятивной грубости, а также манипулятивной вежливости в речи персонажей.

Эмпирическую базу исследования составили тексты поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» и пьесы М. Горького «На дне». Методом сплошной выборки

было извлечено 312 контекстов, содержащих инвективную, бранную лексику, а также имплицитно-вежливые тактики, функционально тождественные грубости. Непосредственному анализу в практической главе подвергнуты речевые партии пяти персонажей: Павла Чичикова, Ноздрёва, Васьки Пепла, Сатина и странника Луки.

Методологической основой для классификации эмпирического материала послужила функциональная типология инвективной лексики, разработанная В.И. Жельвисом. Из всего многообразия выделяемых им функций для достижения цели нашего исследования были отобраны следующие релевантные категории: 1) исходная (снижение сакрального); 2) катартическая; 3) понижение социального статуса адресата (включая зооморфные метафоры и табуированную лексику); 4) установление равенства/контакта; 5) дружеское подтрунивание. В фокусе дальнейшего анализа оказались преимущественно катартическая функция и функция понижения социального статуса.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации и выявлении лингвистических критериев для разграничения типов грубости в коммуникативном поведении, а также в доказательстве того, что манипулятивное воздействие может осуществляться как через грубость, так и через гипервежливость.

Практическая значимость заключается в разработке алгоритма для анализа речевых произведений с целью идентификации конкретного подвида грубости/антивежливости и манипулятивных интенций говорящего.

Структура выпускной квалификационной работы бакалавра: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Основное содержание работы. Первая глава «Теоретические основы исследования манипуляции, вежливости и грубости» посвящена анализу ключевых понятий, необходимых для построения модели анализа. Глава состоит из четырёх подразделов: «Понятие манипуляции и критерии её разграничения со смежными видами психологического воздействия», «Понятие

вежливости. Культурная обусловленность вежливости», «Грубость как коммуникативная категория: перманентная и ситуативная манипулятивная разновидности», «Вежливость, невежливость и манипуляция: соотношение понятий», а также выводов.

В параграфе 1.1 вслед за Е.Л. Доценко манипуляция определяется как вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. Выделены критерии разграничения манипуляции от убеждения (открытость/скрытость цели), внушения (наличие/отсутствие корыстной выгоды) и принуждения (эксплицитность/имплицитность угрозы). На примерах из анализируемых произведений показано, что Чичиков использует манипуляцию (скрытая цель), тогда как Ноздрёв – принуждение (открытая угроза), а Бубнов – внушение (бескорыстное изменение установок).

В параграфе 1.2 вежливость рассматривается как коммуникативная категория, культурно обусловленная и обеспечивающая гармоничное взаимодействие. Отмечено, что классические теории вежливости (П. Браун и С. Левинсон, Дж. Лич) были разработаны преимущественно для кооперативного общения и не учитывают манипулятивный потенциал вежливых форм.

В параграфе 1.3 вводится ключевое для работы разграничение между **перманентной неманипулятивной грубостью** (устойчивая личностная черта, спонтанность, эмоциональная разрядка, отсутствие скрытой выгоды) и **ситуативной манипулятивной грубостью** (осознанное, избирательное применение грубости как инструмента для достижения прагматической цели). Это разграничение опирается на теорию невежливости Дж. Калпепера, который показал, что грубость может быть не случайным сбоем, а осознанной стратегией.

Параграф 1.4 посвящён синтезу понятий. Показано, что гипервежливость может быть столь же манипулятивной, как и грубость. Обоснована трёхкритериальная модель анализа, которая будет применяться во второй главе: 1) адресатная

избирательность (направлена ли грубость на любого или только на низшего/зависимого); 2) наличие скрытой прагматической выгоды; 3) сочетаемость грубости с вежливостью в речевом репертуаре персонажа (способность переключаться). Вывод по главе фиксирует, что бинарное противопоставление «вежливость – конструктивно, грубость – деструктивно» недостаточно: ключевую роль играет интенция говорящего.

Вторая глава «Функционально-семантический анализ грубости и манипулятивных тактик в речи персонажей» посвящена эмпирической верификации теоретической модели. Глава включает описание методики анализа (параграф 2.1) и три аналитических раздела, соответствующих выделенным моделям: перманентная неманипулятивная грубость (2.2), ситуативная манипулятивная грубость (2.3), манипулятивная вежливость (2.4), а также выводы.

В параграфе 2.1 детализируется трёхкритериальная методика. Каждый речевой фрагмент оценивается по трём параметрам, вытекающим из теоретической базы: (1) адресатная направленность (на равного, высшего или низшего); (2) наличие/отсутствие скрытой прагматической выгоды; (3) сочетаемость с вежливостью (использует ли тот же персонаж подчёркнутую вежливость в других ситуациях). Единицами анализа выступают лексемы-инвективы, зооморфизмы, обценная и бранная лексика, а также императивные конструкции и речевые акты угрозы.

Параграф 2.2 посвящён анализу перманентной неманипулятивной грубости на примере трёх персонажей: Ноздрёва («Мёртвые души»), Васьки Пепла и Сатина («На дне»). На ряде примеров показано, что для всех трёх персонажей характерны:

Неизбирательность: Ноздрёв грубит и Чичикову, и трактирному слуге, и собственным крепостным; Пепел – и Медведеву (околоточному), и Костылёву (хозяину ночлежки), и Луке; Сатин – Актёру, Клещу, любому, кто окажется рядом.

Отсутствие скрытой выгоды: грубость Ноздрёва срывает сделку с Чичиковым; грубость Пепла навлекает на него подозрения в убийстве; грубость Сатина («А ты – болван», «Чучело!», «Сова проклятая») служит чистой эмоциональной разрядкой (катартическая функция по Жельвису) или привычной манерой речи, не принося говорящему никакой прагматической пользы.

Неспособность переключаться на вежливость: в речевом репертуаре этих персонажей отсутствует инструментальная вежливость; даже когда Ноздрёв пытается «уговорить» Чичикова, он использует фамильярную лесть («Оподелдок Иванович!»), а не подлинно вежливые формы.

Особо выделены случаи безадресной катартической грубости («Такая дрянь!» у Ноздрёва) и зооморфных оскорблений, направленных на представителей власти («Околел... старый пёс!» у Пепла), что окончательно доказывает отсутствие стратегического расчёта. Сделан вывод, что перманентная грубость диагностируется по трём признакам: неизбирательность, отсутствие выгоды (часто – вред себе), однородность речевого репертуара.

В параграфе 2.3 анализируется ситуативная манипулятивная грубость на примере Павла Чичикова. Показано, что в отличие от Ноздрёва и Пепла, Чичиков:

Строго избирателен: грубость («болван», «дурак», «молчи, дурак!», угроза «вот я тебя как высеку») направлена исключительно на лиц с заведомо низким статусом (кучер Селифан, крепостные). В диалогах с равными (Манилов, Собакевич) или высшими (губернатор) Чичиков неизменно вежлив и почтителен.

Извлекает прагматическую выгоду: грубость служит принуждением, ускорением действия («Что ты, болван, так долго копался?»), подавлением воли. Даже в сцене с Коробочкой, где грубость прорывается в мыслях («дубинноголовая», «проклятая старуха») или вслух («да пропади они и околей»), она является крайним средством, когда вежливые тактики исчерпаны, и направлена на «продавливание» сделки.

Демонстрирует гибкое переключение между регистрами: один и тот же персонаж использует подчёркнутую вежливость с Маниловым и грубость с Селифаном, что доказывает инструментальное, а не личностное происхождение грубости.

На примере внутреннего монолога Чичикова о Коробочке показано, что даже катаргическая по форме инвектива у него приобретает инструментальный оттенок, поскольку обслуживает цель поддержания контроля. Сделан вывод, что ситуативная манипулятивная грубость – это не потеря контроля, а осознанный выбор более жёсткой тактики, когда мягкая (вежливость) не сработала.

Параграф 2.4 посвящён манипулятивной вежливости на примере странника Луки из пьесы «На дне». Это особый случай, доказывающий, что эффективное скрытое воздействие может осуществляться без единой инвективы. Анализ реплик Луки («Ну, чего? Ты... лечись!», «Иди... в Сибирь!», «Да чудак!») по трём критериям показывает:

Избирательность: Лука направляет свою подчёркнутую доброжелательность на самых уязвимых (Актёр, Пепел), чтобы снять напряжение или предотвратить насилие.

Наличие скрытой выгоды: поверхностно – утешение, реально – стабилизация обстановки в ночлежке, укрепление собственной роли «мудреца», побуждение к нужному действию (Пепел – уйти в Сибирь, Актёр – лечиться, то есть удалиться из ночлежки).

Полное отсутствие грубости: Лука никогда не переходит на инвективы, его инструмент – исключительно позитивная вежливость (ласковые обращения, советы, создание иллюзий). Это доказывает, что манипуляция может быть «монохромной» и не нуждаться в грубости как в альтернативе.

В выводах по главе 2 представлена итоговая сопоставительная таблица, фиксирующая дифференциальные признаки трёх моделей:

Модель	Персонажи (примеры)	Избирательность	Наличие скрытой выгоды	Сочетаемость с вежливостью	Доминирующая функция инвектив по В.И. Жельвису	Коммуникативный результат
Перманентная Неманипулятивная грубость	Ноздрёв, Пепел, Сатин	Отсутствует: грубость направляется на любого без учёта статуса (Ноздрёв грубит Чичикову и трактирному слуге, Сатин — Актёру, Пепел — Медведеву и Костылёву)	Нет: грубость часто разрушает собственные цели (Ноздрёв срывает сделку, Пепел навлекает подозрения)	Отсутствует как осознанный инструмент, речевой репертуар однороден	Катартическая, понижение статуса, установление равенства, дружеское подтрунивание	Ущерб себе, эскалация конфликта или эмоциональная разрядка без прагматического выигрыша
Ситуативная Манипулятивная грубость	Чичиков	Высокая: грубость применяется только к низшим по статусу (Селифан) либо в критической ситуации, когда вежливые средства исчерпаны	Да: каждая грубая реплика служит конкретной прагматической цели (принудить слугу к действию, продавить сделку с помещицей)	Вежливость и грубость сосуществуют как два инструмента, переключение происходит в зависимости от адресата и ситуации (вежлив с Маниловым,	Понижение статуса, принуждение, угроза, маркирование ментальной неполноценности	Достижение Прагматической цели (ускорение, подчинение, попытка дожать сделку)

		(Коробочка)		груб с Селифаном)		
Манипулятивная вежливость	Лука	Грубость не используется, вежливость избирательно направляется на самых уязвимых (Актёр) или опасных (Пепел) для стабилизации обстановки	Да, но выгода преимущественно психологическая: снятие напряжения, предупреждение насилия, укрепление роли утешителя	Вежливость является единственным инструментом, грубость полностью отсутствует	Отсутствуют (инвективы не применяются), используются позитивная вежливость, внушение, создание иллюзий	Скрытое побуждение к действию («Иди в Сибирь»), утешение ложью, временная гармонизация среды

Приведены количественные данные из круговой диаграммы (Приложение 2):

Из 312 контекстов перманентная неманипулятивная грубость составляет 59% (184 ед.), ситуативная манипулятивная грубость – 31% (97 ед.), манипулятивная вежливость – 10% (31 ед.). Это подтверждает, что большая часть грубых высказываний лишена скрытого расчёта, однако именно манипулятивные модели (грубость и вежливость) создают наиболее сложные конфликтные и напряжённые ситуации.

В заключении подводятся итоги исследования. Основной вывод состоит в том, что манипулятивный потенциал речевого акта заключён не в грубости или вежливости как таковых, а в интенции говорящего и наличии скрытой выгоды. Разработанная трёхкритериальная методика (избирательность – выгода – сочетаемость с вежливостью) позволяет надёжно дифференцировать перманентную неманипулятивную грубость от ситуативной манипулятивной, а также выявлять случаи манипулятивной вежливости, которые не фиксируются традиционными теориями.

Показано, что грубость Ноздрёва, Пепла и Сатина – это личностная черта, спонтанная и часто саморазрушительная; грубость Чичикова – это инструмент,

дозированный и прагматичный; а вежливость Луки – это тонкий инструмент скрытого воздействия, не уступающий по эффективности грубости. Количественное распределение (59% / 31% / 10%) отражает тот факт, что в исследованных произведениях доминирует спонтанная, неманипулятивная грубость, однако именно манипулятивные стратегии (как грубые, так и вежливые) определяют наиболее значимые повороты сюжета и межличностные конфликты.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением эмпирической базы (анализ других художественных текстов, а также устной и письменной бытовой коммуникации), изучением гендерных и социокультурных аспектов манипулятивной грубости, а также с применением разработанной методики к анализу политического и медийного дискурса.